

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЭПИТАФИЙ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

С. Э. Сомов

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра литературы и межкультурных коммуникаций)

В статье представлен анализ содержательной и художественной специфики поэтических произведений, созданных Белорусским архиепископом Георгием Конисским в жанре эпитафии, в числе которых оригинальная эпитафия, сочиненная просветителем в конце жизни самому себе.

Поэтические произведения Конисского были опубликованы в XIX в. в первом двухтомном собрании сочинений Георгия. Стихотворения представлены во втором томе данного собрания и составляют самостоятельный раздел [1]. Среди них преобладают произведения «малых жанровых форм», в частности, поэтические надписи к различным иконам (к иконе Архангела Михаила, святой великомученицы Варвары, святого великомученика Георгия, Чудотворца Николая, к различным изображениям Божией Матери и,

безусловно, Иисуса Христа и др.); краткие стихотворения светского содержания («Надписи к портрету Графа Миниха»), философские миниатюры, а также ряд эпитафий.

Часть из эпитафий написаны на польском языке (Конисский владел несколькими языками, например, писал стихи на латыни): «Надгробная надпись келейнику Гловинскому», «Писарю Стефановичу», «Госпоже Королькевичевой». В них автор помимо указания на фамилию и имя почившего говорит о христианских добродетелях покойных, для которых духовная высоконравственная жизнь была предпочтительнее, чем накопительство, которым охвачена основная часть населения.

Наибольший интерес представляет «Надгробная надпись Георгию Конисскому, сочиненная им самим». Конисский прожил долгую для своего времени жизнь – 78 лет. От природы он был наделен очень крепким физическим здоровьем, однако в 1892 г. оно резко пошло на убыль. Осознавая, что земной его срок подходит к концу, архиепископ Георгий 20 января 1793 г. составил обстоятельное завещание. В это же время им была сочинена надгробная надпись, которую Святитель приказал выгравировать на медной доске:

Колыбель – Нежин, Киев мой учитель;
Я в тридцать восемь лет сделался Святитель.
Семнадцать лет боролся я с волками,
А двадцать два, как Пастырь, отдохнул с овцами.
За претерпенные труды и непогоду
Архиепископом и Членом стал Синоду.
Георгий имя из Конисских дому.
Коню бывал подобен почтовому.
Тут трупа моего зарыты кости.
В год семисотый пятый девяностый.

В десяти коротких строках автор сумел отразить самые яркие вехи своей бурной подвижнической жизни. «Колыбелью» Григория Конисского был Нежин, где он родился 20 ноября 1717 г. в семье родовитых украинских дворян (его отец Иосиф Иванович был бургомистром). До 11 лет мальчик воспитывался в семье, а затем был определен в самое передовое на Украине учебное заведение – Киево-Могилянскую академию, которую успешно закончил в 1743 г. Так Киев стал «учителем» Конисского и в академическом смысле, и в духовном: здесь по примеру своего родственника старца Иова Конисского в 27 лет Григорий принял постриг с именем Георгия и десять лет преподавал в родной академии, пройдя путь от профессора кафедры пиитики до ректора академии.

В эпитафии Конисский называет себя «Святителем», но это не значит, что он считает себя святым. Чаще всего в литературе и церковном обиходе, действительно, это слово используется для обозначения святых людей, при жизни осуществлявших свое служение в Церкви в сане архиерея (епископа, митрополита или патриарха), однако в узком смысле слова «святитель» – это и есть архиерей. Архиерейская хиротония Георгия Конисского состоялась 26 августа 1755 г. там же, в Киеве, когда ему было 38 лет. С этого времени начался самый сложный период в его жизни, который он называет «борьбой с волками», подразумевая под этим врагов Православия, коими в то время в Речи Посполитой выступали католики и униаты.

Конисский смело вступил на подвиг защитника Православия, хотя это действительно было связано с опасностью для жизни. В эпитафии Георгий нисколько не прибегает к гиперболизации. Жизнь его неоднократно подвергалась смертельной опасности: в 1759 г. в Оршанском Кутеинском монастыре, в 1760 г. в Могилеве, в 1762 г. в Варшаве и в 1768 г. его хотели убить, так что Конисскому пришлось выехать из Могилева в Смоленск в вынужденное изгнание с 1768 по 1772 г.

Не случайно в эпитафии Конисский сравнивает себя с «конем почтовым». Его жизнь походила на жизнь кочевника: Нежин, Киев, Могилев. Защищая православных, он выезжал в Санкт-Петербург, в Москву, в Варшаву, где юридически отстаивал права не только своей паствы, но и всех польских «диссидентов» того времени.

Период относительного спокойствия наступил для Георгия только после 1772 г. Восточные территории Беларуси были присоединены к Российской империи в результате первого раздела Речи Посполитой и составили отдельную Могилевскую епархию, в которой с 1773 г. уже не как воин, а «как Пастырь» Конисский мирно трудился до конца своих дней. Его деятельность по защите Православия и последующему воссоединению униатов не осталась без внимания: «за труды и непогоду» (согласно оригиналу: «в нагороду» – т. е. в награду) он был возведен в 1783 г. в сан архиепископа и назначен членом Святейшего Синода.

После составления завещания и эпитафии Святитель Георгий прожил еще два года и скончался 13 февраля 1795 г. Он был погребен в сооруженном им Спасском соборе г. Могилева, а медная доска с эпитафией была установлена над его захоронением.

К надгробным надписям, представленным Григоровичем в собрании сочинений Конисского 1835 г., примыкает поэтическая миниатюра «На кончину Князя Г.А. Потемкина Таврического». Судя по назва-

нию, сам автор выделил это стихотворение из ряда эпитафий, поскольку оно скорее представляет собой философское размышление о человеческой жизни и смерти, облеченное в поэтическую форму:

Взял Крым, хотел забрать Волохи и Молдавы,
Турецку потрясти и Польскую державы;
И – на песке сыром, между Ясс и Бендер,
Чужой плащ подослав, Потемкин наш умер!
Но не дивись тому: земля страх и Царей,
Беднее, на песках, скончался и Помпей!

Упомянув главный подвиг, составивший славу Григория Потемкина, – покорение Крыма, Конисский подчеркивает масштаб амбиций и властных притязаний воинственного князя – желание завладеть, «забрать» и «потрясти» и все сопредельные территории от Турции до Польши.

В двух первых строках стихотворения ощущается мелодика одического стиха, нарастающая патетика гимна полководцу и завоевателю, которая, однако, вдруг прерывается прозаичной по своему характеру картиной бесславной кончины человека в неизвестной стороне. Все амбиции, мечты, претензии на величие в итоге натываются на непреодолимую преграду – часто неожиданную и всегда неминуемую смерть. В ритме стиха Конисского эта преграда выражена паузой после союза «и...», соединяющего одические и повествовательные строки. Восклицание, которое Георгий делает на слове «умер!», привносит в произведение заметную интонацию философической иронии над нелепым финалом жизни высокочтимого фаворита.

Таким образом, поэтические эпитафии Конисского показывают, с одной стороны, его художественный вкус (стремление к простоте и ясности образов, к классицистическому точному использованию слов и стихотворной силлабике), и, с другой стороны, его тяготение к философии, проецируемой на религиозные идеалы глубоко убежденного в своей вере православного иерарха.

Литература

1. Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского, с портретом и жизнеописанием его. Изд. Протоиереем Иоанном Григоровичем. – СПб. : Типография Императорской Российской Академии, 1835. – Т. 2. – С. 245–269.